

Лето всегда заканчивается не вовремя.

И вот я снова сижу на русском, и вместо зеленой дачной лужайки – зеленющая доска в меловых разводах, а вместо тихого, умиротворяющего, стрекочущего одиночества – Виолетта Фиолетовна со своими глаголами и причастиями.

Нет, я, конечно, очень ей рад... Нет, не так. В данной ситуации я рад ей больше, чем кому-нибудь другому. Но лучше бы мне сейчас не сидеть здесь, скрючив под партой ноги, которые наверняка родились не для того, чтобы провести десять лет в состоянии вынужденного покоя. Лучше бы мне сейчас... Сколько там времени? Пять минут десятого? Тогда мне сейчас лучше всего сладко спать под окном, раскрытым в сад, и чтобы где-то кукарекал петух и пахло утренними дачными оладьями...

– Даня! Проснись уже! Как-нибудь отреагируй на то, что я говорю!

– Я задумался, – честно ответил я.

Она разозлилась чисто по-учительски:

– Давай ты будешь употреблять слова, значения которых тебе более-менее понятны!

Так, да? Тогда я тоже буду мафией, а не мирным жителем!

– По-моему, – четко сказал я, – вы меня сейчас хотите обидеть.

– Не совсем, – ответила Виолетта Фиолетовна. – Вообще-то я хотела тебя разбудить. И, похоже, у меня это почти получилось.

– Почему почти? – уточнил я и действительно почувствовал себя проснувшимся.

– Потому что сейчас ты... Три... Два... Один...

Она взмахнула рукой, как памятник Маяковскому, читающий стихи потомкам.

– Ноль!

И я ИСКРЕННЕ,
ШИРОКО,
БЕЗ НАДЕЖДЫ НА ТО,
ЧТОБЫ ЭТО СКРЫТЬ,
ЗЕВНУЛ.

– Ладно, – сказала ВФ, – пойду на поводу у твоего нерабочего состояния. Давай, рассказывай.

- Я заерзал на неудобном стуле.
- Что рассказывать?
  - Как? Ты? Провел? Лето? – она делала сочные паузы между словами, как будто хотела меня загипнотизировать.
  - На даче в основном...
  - Что ты делал на даче?
  - Да так. Ничего особенного.
  - Три месяца – ничего особенного? И так выглядит твоя маленькая жизнь?
  - Почему маленькая? – возмутился я.
- Определенно, она сегодня переходит все границы!
- Ну знаешь! «Лето – это маленькая жизнь» – цитата из песни. Эту строчку знают даже те, кто песню ни разу не слышал! Так чем было наполнено твое лето? Встречи? Открытия? Находки? Скандалы? Сенсации?
  - Да нет... Ничего такого...
  - То есть, – ледяным тоном начала ВФ, – ты хочешь сказать – это я сейчас просто уточняю, – что ты бездарно профукал три месяца своей жизни?
  - Я? Послушайте, Виолетта Фиолетовна! А сами-то вы?..
  - Сами-то мы – да, даже не сомневайся!
  - А я зато выспался!
  - О да, – согласилась она, внезапно успокоившись, – это мощное достижение. Его, конечно, стоило отложить на лето. Рассвет-то хоть раз ходил встречать?
  - Рассвет? Нет. Это же рано!
  - То есть ты спал? – опять уточнила она.
  - Я спал, да! Имею право!

– А вот твой друг Игорь Минаков прислал мне в августе фотографии рассвета.

– Ну, может, ему не спалось...

– Ему спалось! – отвергла она мою идею. – Но он это лето не проморгал.

И добавила обидным тоном:

– В отличие от некоторых.

Минаков – мой прошлогодний друг. Сначала я его избегал, обходил, игнорировал и даже дал ему прозвище Минога, а потом оказалось, что он нормальный, и мы спокойно с ним общались. А прошлогодний, – потому что после девятого класса он ушел в колледж учиться на верстальщика. Потом передумал и решил получать профессию, не очень понятную моему уму: станочник.

Мне было что рассказать о нем ВФ.

– Кстати, Минаков мне сегодня с утра комическое сообщение прислал. Вот смотрите, Виолетта Фиолетовна, что он пишет:

«СТАНКИ, НА КОТОРЫХ
НАС ОБУЧАЮТ, СТОЯТ
ПО ПЯТЬ МИЛЛИОНОВ.
ГОРЖУСЬ».

Я заржал, как подзвучка в дурацких ситкомах, — громко и заразительно. Гробовейшая тишина.

— Смешно, да? — подсказал я ВФ, обделенной собственным чувством юмора.

— Разве? — спросила она.

— Ну да, — подтвердил я. — Он гордится! Как будто он сам эти станки купил! Я ему даже отвечать не стал! Как...

— Стоп! — резко скомандовала ВФ.

Я замолчал.

— Я поняла, — сказала она. — Сейчас сформулирую.

Повисла неподвижная пауза. Я замер, чтобы не рисковать, и руки сложил, как на картинках про отличников, — одну на другую. А ВФ и глаза закрыла. В кабинетике стало сонно и безмятежно. Даже муха Эмма, пережившая лето и все уборки, в эту минуту спряталась от нас.

И тут я понял, что у меня в кармане вибрирует телефон. И медленно выползает наружу. Я попробовал поменять положение ноги, чтобы остановить это движение, но побоялся помешать ВФ думать (или спать). Телефон полз. Я ерзал. И в конце концов он, конечно, выскользнул из кармана — тыдыщ! — на пол с *аццким* грохотом. Я нырнул за ним.

СБРОСИТЬ, СКОРЕЕ СБРОСИТЬ!

— Короче, — где-то наверху вышла из задумчивости ВФ, — я думаю так. Существуют такие тропы

понимания. Вот говорит тебе кто-то что-то – в твоём случае Минаков. И у тебя есть два пути, чтобы это что-то понять, – тропа верхняя и тропа нижняя. На самом деле наверняка есть и разные срединные тропы, но люди ими редко пользуются. Когда человек кому-то что-то сообщает, он направляет свои слова по одной из троп. А тот, кто это сообщение принимает, часто путает тропу, принося или, наоборот, возвышая собеседника. И они уже технически не могут встретиться, – то есть понять друг друга. Ухватываешь мысль?

Я кивнул, вылезая из-под парты. Сам не знаю: может, понял, может, нет. Мне мешала мысль о том (точнее, о той), кто мне только что позвонил.

– Объясню на примере. Минаков написал тебе о станках за пять миллионов. Так?

– Допустим.

– И ты тут же осликом помчался по нижней тропе: ха-ха, как будто он их купил – вот это всё: «Смешно ли вам, Виолетта Фиолетовна, смешно ли вам, красная?»

– Что?! Нет!

– Нет. И какой вывод?

– Вывод? – переспросил я, чтобы потянуть время.

– Это эхо?

– Да!

– Вывод такой: чтобы понять другого, иди верхней тропой. Всегда. Даже если невыносимо хочется поползать. Тогда, если и ошибёшься, – всё равно ведь ошибёшься в плюс.

– Э-э-э-э-э-э, – с умным видом ответил я.

– Короче, – сказала ВФ уже человеческим, своим обычным голосом, – не по той тропинке ты пошел, Даня, ой, не по той!..

Она сокрушалась, подперев щеку ладонью, – как какой-нибудь мультфильмовский гном! Да понял я уже всё, понял!

– Можно я прямо сейчас Миноге отвечу? – спросил я.

– Можно, – кивнула она, выходя из гномовского состояния, – закрепи пройденное.

2

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ
СОБАЧЕК